

К.А. Наднеева

## КУЛЬТ ПРЕДКОВ И РОДА ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ\*

\*Статья написана в рамках гранта РГНФ № 13-23-03 002 «Культурная самобытность монголоязычных народов».

**Аннотация.** В статье «Кульм предков и рода – одна из составляющих культурного наследия монголоязычных народов» анализируются особенности культуры монгольских народов (калмыки, монголы). В частности, делается акцент на культе предков, рода, который характерен для этих народов. Крупнейший представитель средневековья Рашид-ад-дин Фазлулах Хамадани подчеркивает, что монголы сохраняют происхождение рода, культ предков, ибо человек, не знающий своего рода подобен ребенку, заблудившемуся в лесу. Немецкий философ Ницше, калмыцкие ученые Авляев Г., Митиров А., Сависко В. и др. также выделяют эту особенность культуры монголоязычных народов. Раскрывается, почему калмыки уделяли большое внимание культу родов, так как решался статус рода, человека, аймака, улуса, хотона, которые учитывались в конфликтных ситуациях при выборе зайсанга, аймачного старшины, главы хотона; кроме того сохранялась связь поколений, преемственность. В статье анализируется влияние буддизма на культуру монгольских народов.

Изучение системы культовых представлений способствует открытию возможностей для более глубокого постижения образа жизни, менталитета монголоязычных народов, их вклада в мировую культуру.

**Ключевые слова:** культ предков, калмык, монгол, самобытная культура, буддизм, сон и сновидения, монголоязычные народы, менталитет.

К.А. Nadnreeva

## THE CULT OF CLANS AND FOREFATHERS AS A COMPONENT OF THE CULTURAL HERITAGE OF MONGOLIAN-SPEAKING NATIONS

**Annotation.** The article deals with the specific features of Mongolian culture (Kalmyk and Mongolian) and namely with the cult of clans and ancestors characteristic of Mongolian-speaking nations. Rashīd al-Dīn Fadhl-allāh Hamadānī, the famous scholar of the Middle Ages, argued that Mongolians cultivated a memory of the origin of their clans and had a cult of their ancestors because they believed that a man who did not know his fathers was like a child lost in the woods. The German philosopher Nietzsche, as well as more recently, Kalmyk scholars G. Avlyayev, A. Mitirov, V. Savisko and others also point out at this characteristic feature of Mongolian culture. The present paper examines the reasons for the great attention Kalmyks paid to the clan cult, arguing that the status of clans, as well as of individuals as members of aimaks, uluses, khotons were taken into consideration in controversial situations, for example, at the elections of chieftains and nobles. Besides, the continuity between generations was kept in this way where dreams and dreaming also played a role. The article analyses the influence of Buddhism in this respect as well.

*Thus the study of the system of cults and their concepts opens up new perspectives in understanding the lifestyle, mentality of Mongolian-speaking nations and their contribution to the world culture.*

**Key words:** *cult of forefathers, Kalmyk, Mongolian, unique culture, Buddhism, dreams and dreaming, Mongolian-speaking nations, mentality.*

Одной из ценностных установок образа жизни монгольских народов был и остается культ предков. Это дань уважения великим представителям народа, восхищения их делами и подвигами, мыслями; значимости духовного вклада в культуру, историю этноса. Желание следовать по их пути, прославления своего рода; формирования идеала общества, человека и осуществления связи поколений. В конце XIII – начале XIV в. крупнейший представитель средневековой исторической литературы на персидском языке Рашид-ад-дин Фазлулах Хамадани в своем всемирно известном «Сборнике летописей», рассказывая о далеких предках современных калмыков-ойратах, справедливо заметил: «У всех них выведенная и ясная родословная, поскольку обычай монголов таков, что они сохраняют происхождение предков и дедов своих; каждому новорожденному дитяти объясняют и растолковывают происхождение его, подобно тому, как другие говорят: «Из той же нации». По этой причине нет ни одного человека, который не знал бы своего племени и происхождения.

Спустя три века монгольская летопись «Шара Туджи» открыла свое повествование нравоучительной выпиской из сочинения «Пир молодежи» V Далай-ламы Агван Лубсан Джамцо, больше известного под сокращенным именем Аба Чанбо («Великий пятый»): «Если обыкновенный человек не знает своего происхождения, то подобен обезьяне, заблудившейся в лесу; если не знает своего рода, то подобен дракону, сделанному из бирюзы; если не читает писем, повествующих вообще о предках, то подобен потерянному, заблудившемуся ребенку». Родоплеменная связь при кочевом образе жизни, полном опасностей, способствовала сплоченности и единству. Калмык должен был знать своих предков до седьмого, а то и до одиннадцатого колена; историю семьи, рода, племени, осознавать свою роль и ответственность как звена в этой цепи, стараться, чтобы она не порвалась; стремиться прославить свой род добрыми делами. В дореволюционный период был высок культ «верхов», которые в реальной жизни калмыцкого общества играли не меньшую роль в закреплении простолюдинов к определенному роду.

Следует обратить внимание и на то, что содержание культовой деятельности определяется представлениями о предках, о функциях человека в мире, характере отношений культовой деятельности к человеку и человека к ней. Монголоязычные народы почитают прежде всего Чингисхана; всех феодалов, дворян, ханов; калмыки – Аюку-хана, с которым связан расцвет буддизма. Наряду с этим каждый род, семья, человек имели и имеют своего покровителя-духа, к которому обращаются во время трудных обстоятельств, совершают умиловительные и магические действия-обряды. Больше распространен умиловительный обряд, выполняющий защитную и культурологическую функции, хотя все это носит иллюзорно-практический характер. Одновременно культ предков, традиции народа, тесно переплетенные с религией, формировали социально-значимые качества: честность, трудолюбие, послушание, выдержанность. Эти положительные черты личности легко воспринимались и передавались из поколения в поколение и, как считают исследователи К.Л. Корнеев, В.А. Сависько, способствовали тому, что калмыцкое общество отличалось сплоченностью, взаимопомощью, взаимосогласованностью. На-

**конец, они** (традиции — К.Н.) никогда не говорили о том, что негативно могло бы **затруднить** престиж народа, калмыцкой элиты и духовенства. Эти заповеди, заложенные в сознании человека, являются оформлением народного идеала совершенного человека: трудолюбие, здоровье, ум, дружба, доброта, целомудрие, честность. Причем подход к духовному идеалу дифференцирован при сохранении общих черт: мужские, женские качества.

Стремление к чрезмерному совершенству в буддизме отмечает великий немецкий философ Ф. Ницше: «Ясность духа, спокойствие, отсутствие желаний — как высшая цель, — вот чего хотят и чего достигают. Буддизм не религия, в которой лишь стремятся к совершенству: совершенное здесь есть нормальный случай» [1]. Буддизм никогда не стремился к диктату, установлению единого образца человеческого существования, он был демократичен, но в этой, демократичности был заложен нравственный идеал буддийских монахов, мирян, занятых служением Будде, а не разрушением и изменением социального строя. Вот почему Ф.Ницше подчеркивает, что «буддизм — религия для добрых, нежных рас, достигших высшей степени духовности, которые слишком восприимчивы к боли. . . Он есть возврат их к миру и веселости духа и даже к известной закалке тела» [2]. «Антихрист» Ницше — это своеобразный гимн буддизму, считает российский ученый Софронова Е.С. По всей вероятности, так оно в действительности и есть. На наш взгляд, экзальтированный, подход к буддизму, односторонность и абсолютизация духовности, приводит к субъективной слепоте, отрыву мысли о действительности, идеализации человека и буддизма, его апологетике, что не всегда отражает реалии.

Конечно, смысл и ценность жизни переосмысливаются в различные исторические эпохи. Человеческое бытие характеризуется тем, что вся ответственность за него лежит на людях; принимаемой человеком модели. Выбираемые способы решения проблемных ситуаций никогда не были и в принципе не могут быть безошибочными. Они всегда заключают в себе определенную долю риска, но это не означает, что в руках человека все вырождается; вырождается он сам и снижается уровень его морального статуса при чрезмерной экзальтации. Наоборот, бытие человека неразрывно связано с культурой, традицией, созданием ценностей, а также критическим осознанием собственных достижений и промахов, знанием своей родословной, истории народа.

В период доминирующей системы ценностных предписаний в лице буддизма основные жизненные проблемы осмысливались и решались в органической связи с природой, где жизнь кочевника была отнюдь не однообразна и малосодержательна; она проходила в бескрайних просторах, где небо встречается с землей в узкой полоске горизонта. Мир номада был безгранично широк, и в этих неоглядных даях можно было каждый раз открывать для себя что-то новое. Мировое пространство окрашивалось и бесконечно далеким небом, и близкой, знакомой до мельчайших деталей, землей. Степь рождала с одной стороны ощущение одиночества, безграничности, слитности с природой, а с другой влекла к самопогружению, самоуглублению. Буддизм, подлинным объектом которого является «общетрансцендентный субстрат всех единичных существований», закладывал основы абстрактности, отрешенности от мира суеты, нацеливая на покой, безмятежность, общинность.

Под влиянием буддизма закреплялись созерцательность, индифферентность, ставшие основными чертами жизнедеятельности человека в условиях кочевого и полукочевого быта. Известный русский исследователь А. Позднеев писал: «Можно сказать, что созерцательным характером проникнуты почти все творения монголов и почти в каждом из них проглядывает какое-то уныние, какая-то тоска души,

мучимой неразрешимостью вопросов жизни: но этого мало, мы находим у каждого из монгольских племен даже целые песни с таким рядом вопросов. Певец обращается в них и к солнцу, и к луне, и к животным, одним словом, ко всей природе.. [3]. Калмык в миропредставлении тоже не отделяет себя от природы, он оживляет все, к чему бы он ни прикасался, так как имеет жизненную энергию; все нуждается во внимании и заботе, бережном отношении; желательно не нарушать гармонию, которая есть во Вселенной. В то же время, характерная для калмыков созерцательность, попытки разгадать тайны вечно находящихся в движении природы и человеческого бытия, – своими глубокими корнями уходят в далекое прошлое, историю и культуру народа и не только вхождение буддизма махаянского толка в среду калмыков этому причина. Как справедливо отмечает А. Позднеев, религия могла лишь сковать пылкое, мятущееся в тщетной отгадке тайн мироздания сознание умудренного кочевника, «дав ему более или менее удачные ответы на тревожившие его вопросы», но окончательно разрешал свои проблемы он только сам, благодаря родовому сообществу, социальному условию существования.

С другой стороны, именно своеобразная черта мироощущения родившегося в седле наездника и его кочевой образ жизни создавали у калмыка предрасположенность к культу предков, чувственному восприятию мира. Религия не смогла вытравить древней, характерной для народного мирозерцания основы, выражавшейся в наивности и первозданной чистоте душевности, гибкости мышления, где критерием ценности было время. Мирозерцание отражало различные периоды в социально-экономической жизни степняков – от первых, донаучных, добуддийских, буддийских отражений природы, бытия, смылсуществования человека, межличностных суждений, отношений внутри рода, – до откровенного выражения классового сознания, осознания своего предназначения, конструктивности.

Калмыки в своей жизнедеятельности в основном исходили из пяти главных положений буддизма: не убивать, не воровать, не лгать, не прелюбодействовать и не пьянствовать. Они же сказывались и на пяти уровнях взаимоотношения между: 1) правителями и подданными; 2) отцом и сыном; 3) мужем и женой; 4) старшим и младшим; 5) однокотонцами и друзьями. Эти пять принципов составляли и пять компонентов счастья: 1) мир; 2) здоровье; 3) любовь; 4) благополучие; 5) богатый урожай. Своего рода моральный кодекс человека и образа жизни.

Осмысление нравственных предписаний выражалось в образцовом поведении. Таким, чтобы не испытывать страдания самому и не дать повод страдать другим, ибо невыполнение данных установок приводит к несчастью, дисгармонии. В то же время человеческая личность не растворяется всецело в буддизме, а берет из его учения самое лучшее, самое приемлемое для нее, – совершенствование самосознания и сознания; человеческого существования в преемственности исторического опыта людей, то есть духовных, социальных, нравственных, интеллектуальных, эстетических и иных ценностей. Процесс борьбы человека, его пребывания, подчас в самых тяжелых обстоятельствах, за обретение и развитие мира ценностей и есть процесс реализации смысла бытия.

Общим существенным моментом буддизма калмыков в их антропологической части является принцип рассмотрения природы человека и его сущности, предназначения в связи с абсолютот. Человек предстает и одномерным, и многомерным, и противоречивым образованием, ядром которого является его тождественность с бытием – абсолютот (Будда). Буддареализация в этой связи выступает как высшее назначение человека, причем человек становится Буддой не в прямом смысле,

а открывает его в себе как просветленное сознание. Человек предстает не как обособленная, замкнутая структура, затерянная во Вселенной, и не как покоритель природы, а как динамическая система, имеющая многочисленные и загадочные связи с природой; микрокосм, репрезентирующий всю Вселенную. Такая «космическая» модель человека в последнее время находит все больше приверженцев на Западе, правда, чаще вне академической философии и науки, и оказывает влияние на глобализацию мышления. Степь коварна, надо надеяться не только на Будду, но и на себя, принимать стойко все невзгоды, не поддаваться унынию. Эту мысль подтвердил писатель А. Балакаев: «Калмыки – очень спокойные, беспечные, живущие сегодняшним днем люди («Манна хальмг эмтн их санамр улс»), т.е. здравомыслие.

Буддизм уделял особое внимание культу Далай-лам, буддийским лидерам, также калмыцкой элите, соответственно, обожествление сохранялось и после смерти. Известны случаи, когда калмыки целовали шины машин, на которых приезжали князья. В первый приезд Далай-ламы XIV верующие целовали землю, по которой он прошел; след подошвы. Затем собирали землю в платочек и сохраняли ее как реликвию. Это почтение настолько высоко, что при проходе Далай-ламы XIV, взор людей должен быть опущен вниз, что не всегда соблюдается.

Исследователь буддизма Е. Блаватская в «Разоблаченной Изиде» пишет, что калмыки пользуются трубами (музыкальный инструмент-К.Н.), сделанными из бедренных и локтевых костей покойных правителей и верховных жрецов [4]. Это давняя традиция: ламы и верующие так же используют пепел кремированных выдающихся буддийских лиц в качестве лекарств-пилюль; собирают мочу Далай-ламы XIV. Такие факты наличествуют. Известен музыкальный инструмент (труба) из берцовой кости восемнадцатилетней девственницы; изготовление капалы (чаши для священнодействия) из черепа человека, на темени которого просматривается рисунок в виде восьмерки (бесконечность или восьмеричный – благородный путь), своего рода узел счастья. В Калмыцком республиканском музее имеются маленькие литавры, обтянутые человеческой кожей, и музыкальный инструмент из берцовой кости восемнадцатилетней девушки-девственницы; и такой музыкальный инструмент встречается у верующих до настоящего момента. Явления такого рода не имеют никакого кровавадно-го оттенка: по завещанию, с согласия самого человека. К примеру, в Чехословакии, недалеко от Праги расположена церковь Костница, где использованы человеческие останки-скелета. Особенна интересна люстра, где использованы все части скелета от фаланги пальца до копчиковых костей. (ж. «Мила» № 3 март 2012.).

Е. Блаватская, которая лечилась у лам в Хошеутовском хуруле Калмыцкой области, вспоминает, что у калмыков-буддистов астраханских степей «существует обычай делать своих идолов из пепла сожженных князей и жрецов» [5]. В частной коллекции самой Е. Блаватской имелось несколько маленьких пирамид, сделанных из пепла костей выдающихся калмыков, подаренных князем Тюменем. Практика сожжения выдающихся людей, буддийских монахов (это почетнее, чем захоронение или оставление в степи) встречается у калмыков и до настоящего времени (отдельные монахи, после кремации захоронены на территории хурула (Аршань) Целинного района республики. Считается, что прах великих людей или святых якобы ограждает человека, территорию от «злых духов»; Во многих странах, к примеру в Бирме, Японии и Тибете, существует обычай делать медальоны или статуэтки из пепла сожженных лиц, в основном из останков религиозных иерархов высокого ранга.

Вначале пепел смешивают со специальным составом на водной основе, чтобы получилась паста. Затем пасту заливают в специальную форму, её вынимают после